

Никулин Виктор Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Юридического института
Тамбовского государственного технического
университета

**СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА НАКАЗАНИЯ:
БАЗОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
И КЛАССОВАЯ СПЕЦИФИКА
(1920–1930 ГГ.)**

Аннотация:

Рассмотрены теоретические основы советской системы наказания, разработанные в 1920-е гг., в основе которой лежала идея строгой организации общества по социальному признаку. В данный период исследуется практика внедрения классовых принципов в советскую уголовную политику. Анализируются теоретические и практические аспекты применения классовых принципов в судебной практике и системе наказаний. Утверждается, что управляемое государством общество рождало и политизированное право, отличительным признаком которого являлся классовый подход к определению принципов системы наказаний.

Ключевые слова:

классовая принадлежность, политика, идеология, мера наказания, законность, революционный интерес, судебная практика, политика, право.

Nikulin Victor Vasilyevich

D.Phil. in History, Professor,
Constitutional and Administrative
Law Department,
Tambov State Technical University

**THE SOVIET SYSTEM OF PUNISHMENT:
BASIC FEATURES
AND CLASS SPECIFICS
(1920–1930-S)**

Summary:

The article reviews the theoretical foundations of the Soviet punishment system, developed in the 1920-s, which was based on the idea of strict organization of a society according to the social stratification. The author deals with the practice of implementation of the class principles in the Soviet criminal policy in the 1920-s. The theoretical and practical aspects of the class principles application in the judicial practice and the penal system are analyzed. It is stated, that the politicized society gave rise to politicized laws, the distinctive feature of which was the class approach to the definition of the punishments system principles.

Keywords:

class affiliation, politics, ideology, punishment, legality, revolutionary interest, judicial practice, policy, law.

Марксистская идея строгой организации общества по социальному признаку, когда «свои» социальные группы отделены от «чужих», враждебных, неизбежно трансформировалась в право, которое обрело все признаки политизации. Механизм социальной селекции при помощи определения классовой принадлежности с позиции «свой-чужой» была положена и в основу советской системы наказания. В 1920-е гг. была разработана детальная классификация, включавшая в себя многочисленные критерии, позволявшие точно, как казалось властям, определять социальный статус индивида и соответственно применять к нему определенные законом меры воздействия. Неизбежным результатом стало сужение социального пространства для индивида, особенно представителей «враждебных» классов, что привело к усилению классового аспекта в системе наказания. Самым существенным моментом было то, что классовая принадлежность стала прямо влиять на правовое положение индивида и степень уголовного наказания обвиняемого.

В 1922–1923 гг. в основном завершилось конструирование и создание правовой системы советского государства, которая стала юридической основой правоприменительной практики. Вызванная к жизни объективной необходимостью, потребностями мирного времени, она вобрала в себя социологический подход к праву, сформировавшийся в годы гражданской войны. Социологическое начало отчетливо проявлялось в тезисе о постоянной изменчивости пролетарского права, «вытекающего из взаимоотношений между классовыми группами», что отличало его от буржуазного права. «В противоположность понятию буржуазного права, которое считает право постоянной мерой справедливости, право с точки зрения марксизма не является таковым, а есть классовая норма, которая вводится в действие классом, находящимся у власти. Советское законодательство в отличие от буржуазного является “текущим”, в зависимости от экономических функций страны. Мы будем в первую очередь защищать рабочих и крестьян» [1]. В данном тезисе со всей очевидностью проявляется понимание законности как правопорядка, который призван целесообразным только с точки зрения революционных интересов, а не законности.

Таким образом, классовое понимание законности вело и к соответствующему определению правонарушения. Преступными актами объявлялись те из них, которые угрожали наиболее важ-

ным интересам одной социальной группы. Подобная широкая трактовка правонарушения позволяла власти объявлять преступными те акты, которые, по их убеждению, были враждебны ее политическим устремлениям.

Создание законов, имевших склонность к широкому толкованию, позволяло суду успешно решать задачу вынесения классово-обоснованных приговоров. Неизбежным при таком подходе стал вывод о склонности к преступности одних социальных групп и не склонных к преступности других, что в практическом плане проявлялось в отсутствии равноценности наказания для различных социальных групп. Система наказаний строилась не столько на основании меры поступка, сколько на основании социально-классовой принадлежности, то есть зачастую второй фактор был куда весомее при определении меры наказания. Таким образом, мерой наказания были не совокупность его проступка, преступления, а характер той группы, к которой он принадлежал, что можно определить как правовую дискриминацию на основе классовой дифференциации общества. Юридический «оценочный механизм» (определение меры наказания) состоял в определении «свой-чужой». Признаки «своего» – это единство социального происхождения. Классовое начало уже видно из ст. 5 УК РФ: Задача УК – правовая защита государством трудящихся от преступлений и от социально-опасных элементов [2]. Особенно рельефно классовый подход подчеркивают ст. 24 и 25, в которых перечисляется, что должен учесть суд, определяя наказание [3]. Главный критерий – классовая принадлежность и мотивы преступления. Прослеживается очевидное стремление снизить меру наказания «своим классам». Суды, ориентировались на то, что прежние наказания будут применяться только к врагам советской власти, а к «своим» – штрафы, налоговые повинности и т.п.

На практике данные установки трудно было реализовать, поскольку основная масса преступлений совершалась как раз «своими» – рабочими и крестьянами, которые составляли основной контингент заключенных. Это обстоятельство рассматривалось как нарушение классового принципа, поэтому многочисленные указания и инструкции требовали от судов неуклонного соблюдения классового принципа в «карательной политике». В циркуляре Верховного Суда РСФСР от 22 декабря 1924 г. разъяснялось, что «при рассмотрении уголовных дел, находящихся в производстве, необходимо учитывать социальное положение обвиняемого в момент преступления, социальное положение обвиняемого до революции, при этом точно установить социальную группу, к которой относился обвиняемый – помещик, купец, крестьянин-кулак, бедняк, рабочий и прочие [4].

Требования о необходимости во всех случаях учитывать социальное положение обвиняемого содержится и в директивном письме Уголовно-кассационной коллегии (УКК) Верховного Суда РСФСР. Классовый принцип в карательной политике должен был выражаться в правильном определении степени опасности преступления с точки зрения интереса класса в целом, выдержанном классовом подходе к каждому подсудимому, в правильном учете всех обстоятельств, определяющих целесообразность назначения того или иного наказания. Приоритетным считалось социальное положение в момент совершения преступления, а затем уже социальное происхождение. Предлагалось широко применять ст. 28 УК (условное осуждение) к рабочим и трудовым крестьянам, совершившим преступление впервые [5].

В итоге создавалась система увода от наказания определенных социальных групп. Суть ее заключалась в том, что при определенных условиях (критериях) преступления они не влекли за собой наказание или оно существенно снижалось. В основе системы лежали два фактора. Первый – это «внутреннее состояние» правонарушителя – невежество, неосознанность, политическая неграмотность, вынужденные обстоятельства. Второй фактор – «внешнее состояние» правонарушителя – принадлежность к определенной социальной группе, номенклатуре, партии большевиков. Привилегированные социальные группы – рабочие, крестьяне. «Паразитические» – нэпманы, духовенство и т.п. Это было политическое понимание сущности юридических норм и вело оно к существенным последствиям. Суды при определении наказания должны были руководствоваться непреложным правилом: «Учитывать, кого он имеет перед собой, и назначать меру социальной защиты исходя из признаков социальной принадлежности» [6].

При таком понимании и практическом подходе снижалось влияние фактора неизбежности наказания. При классовом подходе мотивационное действие наказания существенно снижалось, что неизбежно влияло на повышение преступности среди «своих классов». Формировались устойчивые шаблоны правового поведения, отношения к закону, в основном нигилистического характера. Создавалась атмосфера безнаказанности и вседозволенности, что вело к конфликту социального поведения и классовой принадлежности.

Отчетливо проявлялась тенденция определения правонарушения, как «несвойственного» данной социальной группе. Между тем, известно, что даже в одной социальной группе не может

быть одинакового понимания норм поведения, не говоря уже об обществе в целом. Подобная трактовка роли и места наказания исходила из явной переоценки способностей трудящихся классов к исправлению и самосовершенствованию, объяснение преступности малосознательностью, темной, «забитостью» жизнью и «происками последних остатков умирающих классов» не объясняли причин массовой преступности среди рабочих и крестьян. В уголовной практике это неизбежно вело к искажению принципа равноценности наказания. В результате судебная практика отличалась крайней тенденциозностью, усугублявшаяся слабым составом судей. Суды действовали по принципу – для «своих» одно наказание, для «чужих» – другое. В народе это незамедлительно получило оценку: «Если рабочий, то принимать во внимание, крестьяне – тоже. Нэпман чуть чихнет, его в суд» [7]. Таким образом, практика смягчения наказания не обладала необходимым качеством – «равноценной общественной оценкой действия, признанного преступным» [8].

Суды классовую линию воспринимали буквально, определяя условное наказание трудящимся или подводя их к амнистии. Частыми были условные наказания. С одной стороны, это поощряло преступность, с другой – вызывало негативную реакцию населения, недовольного мягкими приговорами. Особенно раздражала крестьян безнаказанность конокрадства и краж сельхозпродукции, наносившие наибольший экономический ущерб крестьянским хозяйствам. На этой почве в деревне участились самосуды над конокрадами и грабителями. В связи с этим появляется инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР от 29 июня 1925 г. с новым разъяснением сути классового подхода к карательной политике. Судам напоминали, что проведение классового принципа заключается не в автоматическом обвинении «нэпмана» и «кулака» и не в оправдании трудящихся, а в отчетливом и ясном понимании социальной опасности действий привлеченного к суду гражданина, расцениваемой с точки зрения интересов пролетариата в целом [9]. Но понять в чем социальная опасность действий того или иного индивида для судей было самым сложным. Ведь, с одной стороны, их постоянно инструктировали не избирать слишком суровых наказаний для «своих», помнить о принципе предельной «полезности» наказания – перевоспитания. С другой стороны, меру наказания избирать без учета личности преступника (нэпман, бывший офицер или пролетарий), его имущественного положения. Судьи предпочитали «перегнуть палку» (хуже не будет) и шли по самому простому пути – определяли наказание исходя из социальной принадлежности обвиняемого (минимум-максимум).

Массовый увод трудящихся от наказания, сведение к минимуму изоляции правонарушителя, обуславливался и весьма прозаической причиной – переполненностью мест заключения. В апреле 1925 г. Верховный Суд в своем циркуляре констатировал факт переполненности тюрем и потребовал их разгрузить [10]. Средством разгрузки служили амнистии, которые приводились исключительно по классовому принципу и распространялись в основном на «трудящихся».

Политизированное общество рождало и политизированное право, отличительным признаком которого являлся классовый подход к определению принципов системы наказаний. Это свидетельствовало о том, что идеология имела приоритет перед законом. В такой ситуации право не являлось общеобязательным сводом правил поведения, а всего лишь средством реализации политической доктрины, а юридические нормы стали простыми дополнениями к ней, служили целям формально-юридического оформления социального неравенства, частью системы социального контроля, главной целью которого было сохранение и укрепление политической системы.

Ссылки:

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р.-524. Оп. 1. Д. 9. Л. 76.
2. Уголовный кодекс РСФСР (ред. 1922 г.). М., 1923. Ст. 5.
3. Там же. Ст. 24, 25.
4. ГАТО. Ф. Р.-524. Оп. 1. Д. 181. Л. 25–26.
5. Там же. Д. 376. Л. 4.
6. Там же. Д. 376. Л. 67.
7. Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 136. Л. 91.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Т. 3. С. 181.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 11. Л. 17.
10. ГАТО. Ф. Р.-524. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

References:

1. *State Archive of the Tambov region (GATO)*, f. r-524, op. 1, d. 9, l. 76.
2. *RSFSR Criminal Code (as amended 1922)* 1923, Moscow, art. 5.
3. *RSFSR Criminal Code (as amended 1922)* 1923, Moscow, art. 24, 25.
4. *GATO*, f. r-524, op. 1, d. 181, l. 25-26.
5. *GATO*, f. r-524, op. 1, d. 376, l. 4.
6. *GATO*, f. r-524, op. 1, d. 376, l. 67.
7. *Russian Archive of Socio-Political History (RGASPI)*, f. 17, op. 67, d. 136, l. 91.
8. Shershenevich, GF 1910, *General Theory of Law*, Moscow, vol. 3, p. 181.
9. *RGASPI*, f. 17, op. 65, d. 11, l. 17.
10. *GATO*, f. r-524, op. 1, d. 5, l. 16.